

Publ., 2002. 256 p. (In Russ.).

УДК 801.8

«СВЯЩЕННАЯ ПРЯМАЯ» МИХАИЛА ПРИШВИНА

Меркурьева Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы, первый проректор, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, РФ).
E-mail: lprorector.ogiik@mail.ru

М. М. Пришвин в своем утверждении необходимости родственного внимания ко всему сущему приходит к идее всеединства. Основой нравственной оценки человека писателем становится способность сочувственно переживать движение мира, с которым человек связан узами родства.

Все в поэтике М. М. Пришвина соотнесено с человеком, ценно и возможно только потому, что становится частью его сознания, обретает место в его душе. Писатель не удовлетворяется прогрессом «вообще-человека», ему интересен каждый «в борьбе за свет».

В том родственном взаимодействии, о котором говорит М. М. Пришвин, руководящая роль принадлежит человеку, творящему в природе свое «небывалое». Человек, по мысли писателя, существо, одаренное внутренней свободой, ищущее. Это делает его способным выйти к миру, ожидающему сочувствия и деятельного участия. Художнику очень близок образ путника, по дороге вбирающего в себя все, от земли до неба. Дорога человека – движение к «светооткрывающей» истине. М. М. Пришвин обнаруживает включенность в общую связь каждого природного существа, а эту общую связь рассматривает как слияние в единый «брачно-творческий акт» изначально разнонаправленных потоков.

В этом контексте возникает необходимость исследовать два противоположных типа героев, соответствующих классической типизации «естественный человек» – «человек цивилизации».

Человек, всецело захваченный в круговорот «цивилизации», часто обделен умением со смыслом остановиться. Попытка спорить с «природными» людьми приводит его к разочарованию и поиску смысла. В противоположность зловещему Ничто, нарисованному героями-идеалистами, эти люди бессознательно формируют представление о многоликом Нечто, полуязыческом-полухристианском мире, где есть место лешему, «водянику», но и милосердному Христу.

М. М. Пришвин рисует уникальные, овеянные фольклорной поэтикой образы. «Естественные люди» его произведений – это персонажи, чувствующие себя звеньями непрерывно творящейся традиции, знатоки «досюльщины», частью которой становится их собственная жизнь.

М. М. Пришвин силой родственного внимания, вживанием в душу мира переводит свои произведения в нравственно-философский план. Художник и природа, действуя в сотворчестве, созидают бытие, то есть тот мир, сакральным центром которого является человек.

Ключевые слова: концепция всеединства, «естественный человек», цивилизация, философская проза.

“SACRED STRAIGHT” OF MICHAÏL PRISHVIN

Merkureva Natalia Alekseevna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Literature, the First Vice-rector, Orel State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: lprorector.ogiik@mail.ru

M. M. Prishvin in his approval of related necessity of attention to all the essence comes to the idea of unity. The basis for moral evaluation of human reflected by the writer is the ability to experience a sympathetic world movement to which the person is connected. In this context, the research of two opposite types of characters corresponding to the classical “natural person” – “man of civilization” – is dedicated. The concept of unity consistently developed by M. M. Prishvin reveals the moral philosophical plan of his works.

To exempt from too much attention to himself, the writer suggests to make the center of the inclination “another” or “another-world.” Pictures of universal harmony, personal contact with the general are typical for M. M. Prishvin. Here, the importance of feeling the relationship with everyone as with the only thing, even if this everyone is simply a rain drop creeping on a reverse side of a window is emphasized. Completeness of recognition of another is possible at completeness of sincere participation therefore the writer convinces in need of personal experience of the phenomena. An integral part of personal relation to the world is emotional and strong-willed experience which passive mental reaction isn't, and certain is moral significant and responsibly active installation of reason and heart.

The “sacred” straight line, according to the thinker, so contradicts the law of the nature as far as generalization contradicts the law personal. The writer tries to find a positive solution which result will be an

organic compound personal with public. This dream is a reflection of idea of the writer of the truth, and search and implementation of the big truth for all live, the subject filling all the creativity of M.M. Prishvin.

Keywords: unity concept, “natural person,” civilization, philosophical prose.

В эпоху неудержимого стремления к обобщению и замене одних жизненных единиц другими М. М. Пришвин проповедовал идею «неповторяемости» и «незаменимости». Утверждая, что в мире все неповторимо, самодержавно и незаменимо, писатель величайшим нравственным грехом почитал любой пропуск «жизненных единиц». В обобщении чуткий «Берендей» с очевидностью обнаруживал злое начало, ведущее к последовательному вытеснению жизни математической формулой. «Между подобными явлениями, – писал М. М. Пришвин, – человек провел прямую линию и отбросил все, что направо от законной линии и что налево» [5, т. 7, с. 278]. «Священная» прямая, по мнению мыслителя, настолько же противоречит закону природы, насколько противоречит закону личного обобщения. Писатель всю свою долгую творческую жизнь пытался найти положительное решение проблемы, результатом которого станет органическое соединение личного с общественным. «Тема нашего времени, – размышлял М. М. Пришвин в сороковые годы, – это найти выход из любви к каждому любовью ко всем, и наоборот: как любить всех, чтобы сохранить внимание к каждому» [5, т. 6, с. 44]. Художник мечтал создать на «всем свете» такую жизнь, при которой «всем хорошо» было бы и «каждому лучше». Мечта эта становится отражением представления писателя о «правде истинной», а поиск и осуществление большой правды для всего живого – тема, заполняющая все творчество М. М. Пришвина. Как отмечает Т. М. Рудашевская, «тема правдотворчества входит уже в первые книги Пришвина и как главная – во все крупнейшие произведения художника последних лет: “Повесть нашего времени”, “Кладовую солнца”, “Осудареву дорогу”, “Корабельную чашу”. Пришвинское чувство правды как общественной совести с годами развивается и углубляется, обогащаясь новыми оттенками – пониманием “правды как совести” (соотнесенности, связи) каждого с каждым и со всеми...» [6, с. 45].

Обращенные вовнутрь, лелеющие обиду на нечто, люди высокомерно проходят мимо «мелочей», чужих, посторонних. Но стоит с сочувствием обернуться, и мелочи исчезнут, с очевидностью обнаружится значимость каждого. Такое переживание сочувствия другому, сопричастность ему М. М. Пришвин называл «родственным вниманием». Оно проявляется не только в отношении к человеку, но ко всему существу, с которым мы связаны узами родства. Творец нового мироощущения, которое было определено Максимом Горьким как «геооптимизм» [2, с. 154], был уверен, что всякое царство, разделенное в себе, непременно погибнет, потому законом жизни и творчества выбрал именно закон родственного внимания. Узнать себя в мире природы, найти соответствие ее состоянию в своей собственной душе – вот основное стремление Пришвина-человека, Пришвина-художника.

Очарованные идеей всеединства, герои писателя оказываются способны выйти к миру, ожидающему сочувствия и деятельного участия. Художнику бесконечно близок образ путника, по дороге вбирающего в себя все, от земли до неба. Дорога человека – движение к «светооткрывающей» истине, подлинная «священная прямая» писателя:

Я стою и расту – я растение.

Я стою, и расту, и хожу – я животное.

Я стою, и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо – все небо мое!

И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое» [5, т. 8, с. 568]. Художественно зримыми «мысле-образами» (Т. М. Рудашевская) говорит М. М. Пришвин о возможности всеобщего понимания, проникновения и единства. Свое ощущение счастья от слияния души с природой, исцеляющей от одиночества, художник передает предельно эмоциональными описаниями. Всплывающий время от времени мотив одиночества

почти всегда оказывается преодолен пафосом любовного отношения к миру: «Брызнуло золотом света само солнце, и тогда все журавли хором ударили:

– Победа, победа!

Я замер в ознобе восторга. Я хорошо помню, отчего это случилось со мной: тень прошла во мне от “последней рассеянной тучи”, луч пронзил меня и с ним: “Вот теперь это прошло уже навсегда!”» [5, т. 3, с. 446].

Человек, всецело захваченный в круговорот «цивилизации», часто обделенный умением со смыслом остановиться, выглядит «маленьким» в споре с тем, кто способен обнять весь мир. Этой способностью наделен, к примеру, «огромный» Мануйла («В краю непуганых птиц»), хранящий знание о существовании некоей волшебной страны. Мелкому, зажатому в тиски необходимости сознанию, неведом «огромный» мир этой волшебной страны, частью которого является и «звирь лесной», и «птица нетращенная», и сам бородатый охотник. Чтобы сделать понятным катастрофическое различие между двумя правдами, М. М. Пришвин предваряет историю своего путешествия в Олонецкий край (где и был встречен тот самый Мануйла) рассказом об одном впечатлении. В Берлине его поразили домики-беседки, стоящие на крошечных клочках старательно обработанной земли. Они были зажаты со всех сторон высокими каменными стенами домов и утопали в дыму фабричных труб. Писатель выяснил, что в немецкой столице остаются не застроенные, не закованные в асфальт и камень кусочки земли, которые арендуют рабочие с тем, чтобы «потом по воскресеньям, устроив предварительно беседу, возделывать на них картофель... Осенью, при поспевании картофеля, рабочие на своих огородах устраивают пир “kartoffelfest”, который оканчивается неизменным в таких случаях “fackelzug” [5, т. 1, с. 45]. «Коротенькой правде немецкого пива» противопоставляется «истинная правда» славного великого Онега, грандиозных водопадов, чудесных белых лебедей. С этой правдой живут старозаветные вопленицы, рыбацкие «женки», потомки новгородских славян. Эти люди, обладающие чистой, непосредственной верой во все чудесное, не пугаются непостижимого.

В противоположность зловещему Ничто, нарисованному философами-идеалистами, они бессознательно формируют представление о многоликом Нечто, полужыческом-полухристианском мире, где есть место лешему, «водянику», но и милосердному Христу.

М. М. Пришвин рисует уникальные, овеянные фольклорной поэтикой образы. Старая вопленица Степанида Максимовна. Истолковательница чужого горя, она до доньшка выпила чашу горя собственного. Знаток «досюльщины» Григорий Андрианов, проходящий на апостола Петра, силой своего таланта соединяющий цепь прошлого и настоящего. Наконец, колдун Микулаич, врачеватель и охранитель всей живой твари. Собирательным становится образ сказочника Мануйлы, которого писатель узнавал в «Очарованном страннике» Н. С. Лескова. Сам М. М. Пришвин, изображая нравственно-психологическую жизнь естественного человека, представляет себя в образе Берендея («Журавлиная родина»). Вообще, Берендей для писателя – определение внутренне-го человека, и народную, и звериную жизнь читающего, как родство. Апофеоз подобного родства наблюдаем, к примеру, в эпизоде встречи старухи Спиридоновны с волками («Календарь природы»). Защищая младенца, которого она призвана исцелить, «мирская няня» падает на колени и земно кланяется волкам, произнося импровизированную молитву. Обращение к «батюшкам-волкам» как к отцам, языческий поклон братьям – часть творимой легенды о Берендеевом царстве, где все и всё накрепко связаны. И люди, коровы, медведи, волки, чувствуя это, живут общими заботами, радостями и страданиями.

«Естественный человек» пришвинских произведений – это персонаж, чувствующий себя звеном непрерывно творящейся традиции, знаток «досюльщины», частью которой станет его собственная жизнь. Это и герой – не просто понимающий природу, но берегущий свою природную чистоту. К природной чистоте стремятся и те персонажи писателя, которые от рождения принадлежат иному, противоположному миру. Для них «бегство в природу» [1, с. 14] – не только попытка уйти от цивилизации, но и сознательное возвращение к целому. Здесь, в мире природы, герои

«За волшебным коlobком», «Женьшень», «Кашеевой цепи» и пр. находят образы, которые по красоте и совершенству зачастую превосходят человека (вспомним хотя бы прекрасную Хуа-лу, синюю Фацелию или собаку Травку). Здесь же происходит исцеление болеющего, обремененного сознания, что очевидно случается и с душой писателя, возвращающегося ли в родную елецкую глубинку, путешествующего ли по заповедным северным местам или отыскивающего корень жизни в дальневосточной тайге. «Этнографическая, агрономическая, охотничья, странническая и иные страницы биографии Михаила Пришвина, – пишет П. А. Гончаров, – непосредственно связывают его с землей, природой, а “бегство в природу”, имея добровольные и вынужденные причины, всегда оказывалось для него спасительным» [1, с. 16].

«Как вернуть свои переживания в природу?», «Как сочетать то, что было, и то, что есть теперь, как одно претворить в другое, как слить это?» Отвечая на эти вопросы, М. М. Пришвин снова и снова приходит к мысли о совершаемом в природе великом круговороте. Всякий включен в этот простой, но таинственный круг, «простой для всего мира, но таинственный для каждого в миру» [5, т. 8, с. 24]. Писатель сознательно воспитывает себя, преодолевая эгоцентрическую установку. Взамен рождается универсальная, общечеловеческая точка зрения, родственная и понятная всем. Человек становится как бы центром круга, и от этого центра в разные стороны расходятся лучи, соединяющие его с бесчисленными индивидуальностями. Именно такая гармоничная схема рождается в сознании Алпатова (героя «Кашеевой цепи»), мучительно размышляющего о смысле. Ответ приходит не сразу и, как это бывает, – спровоцированный извне. Больше часа ходит герой по комнате из конца в конец. Когда раскрывает окно, в комнату врывается птичий щебет, и одна самая маленькая птичка с «пухлыми щеками» и «смешными полосками» «тикает» у самого окна. Алпатов долго и любовно ее разглядывает и ему показывается постепенно след «какой-то огромной мысли»: все в природе уже дано в душе человека, потому оно узнается как свое, родное. Юноша хватает лист бумаги и рисует предста-

вившуюся ему схему: от громадными буквами выписанного «человек» расходится множество лучей. Лучи так и останутся не поименованными, и в этом есть особый смысл утверждения неизмеримой многоликости природы.

Так «пустяк» – маленькая птичка, неожиданно влетевшая в окно, впервые воспринимается Алпатовым как провозвестница неведомого мира вселенной, как часть и как живое ее воплощение. В природе герой находит затерянное в тайниках сердца во времена марксистских блужданий ощущение сопричастности всему существу. Понимая свое центральное положение в природе, человек М. М. Пришвина при этом не перестает подчеркивать, «что сам он – от нее» [3, с. 107].

Мир в его цельности, по Пришвину, нельзя познать иначе, как только через познание конкретных предметов, пусть даже самых незаметных и малых. Любой «пустяк», например, «капля росы», обнаруживает истоки «родственного внимания» писателя, воспринимается им как живое лицо этого огромного целого, а потому заключает в себе все. Произведения Пришвина дают примеры таких «пустяков», оказавшихся поистине спасительными. Автор-рассказчик «Женьшень», переживающий вновь историю обретенной было и потерянной любви, понимает «по себе» даже камень. Только этому плачущему вместе с человеком камню герой доверяет свои заветные мысли о женщине с прекрасными глазами ланки Хуа-лу, и скала откликается биением сердца. В «Календаре природы» художник вспоминает того «личного жука, который, может быть, в последнюю минуту отчаяния сверкнул всей красотой мира и спас жизнь» [5, т. 3, с. 177]. Известный пришвиновед А. М. Подоксенов замечает: «Наделяя все вещи лицом и именем, Пришвин, по сути, вступает в диалог со всем миром, осуществляя персонализацию природных существ и придавая им свойства личности» [4, с. 279].

Любовью к природе писатель накапливает неиссякаемый запас силы внимания к людям. Создавая «Календарь природы», он поясняет читателю: «Мои записки не условная и любимая мной литературная форма, а действительно записки под диктовку весны – почти без всякой последующей обработки и связанные только силой движе-

ния в природе, вызывающей ответное движение в душе человека» [5, т. 3, с. 128]. Не только человек слышит в себе движение природы, природа в сердце своем чувствует жизнь человека. Герой-рассказчик «Календаря природы» переживает вместе с миром все оттенки весны: весну света и воды, весну зеленой травы, весну леса. В ответ он получает исполненное любви сопереживание его собственной весны – весны человека. В экстазе безумного восторга герой читает «Богородицу», повторяя молитву за птицами, – мир приходит к соединению в «едином брачно-творческом акте».

Всем своим творческим существом М. М. Пришвин исповедует философию «всеединства» как соединения всего со всем. «Я, – заявляет писатель, – частица мирового космоса... Я ее чувствую, я ее наблюдаю, как с метеорологической станции. Эту частицу, которая сшита со всеми другими существами я изучаю... Швы болят еще... Это еще мешает наблюдать... Но настанет время, когда все будет чистое сознание» [5, т. 8, с. 17]. М. М. Пришвин обнаруживает включенность в общую связь каждого природного существа, а эту общую связь рассматривает как слияние в единый «брачно-творческий акт» изначально разнонаправленных потоков.

В идиллическую картину священного брака природы и человека, нарисованную писателем, вторгается идея конца. Особенно болезненно звучит вопрос о смысле жизни перед лицом смерти в «Кашеевой цепи». Сущность его всегда одна и та же, но, чем глубже погружается мир в кровавый хаос и бессмыслицу, тем определеннее он осознается человеком. Алпатов, переживающий типичные для русского интеллигента периоды забвения Бога, марксизма, духовного смятения, в финале своих юношеских метаний приходит к пониманию своего жизненного назначения. То, что он чувствовал когда-то мальчиком Курымушкой, теперь незыблемым основанием утверж-

дается в его сердце: смысл земного бытия – в борьбе со злом, которое входит в мир в форме роковой необходимости смерти и убийства. Единственное существо, призванное бороться со страшным законом смерти – человек, носитель надежды всей твари, свидетель иного, высшего смысла.

Преодоление смерти понимается М. М. Пришвиным как преодоление греха. Художник видит святость и красоту земли, но в то же время замечает в природном способе бытия «порчу», приводящую к взаимному уничтожению и дисгармонии. Образы «мертвой бабочки» (философско-лирическая миниатюра «Мертвая бабочка») и «светло-желтого паука с большим зеленоватым шариком», медленно ее уничтожавшего, – потрясающий пример мирового разлада и победы смерти. Вместе со своими любимыми героями писатель укореняется в мысли, что самый страх смерти исчезнет и тем самым кончится и умрет сама смерть тогда, когда все соединится в единого человека, все сольется воедино. Алпатову удастся разбить страшную «кашееву цепь» – символ смерти и разъединения, и в финале романа звенья этой разрушенной уже цепи уплывают «грязными льдинами», унося зимнее оцепенение человека и земли.

В отличие от предшественников, завоуженных мыслью о беспощадности смерти, М. М. Пришвин все-таки более озабочен полнотой жизни. Человек подобен озеру, по убеждению писателя: одни потоки вливаются, другие истекают, и если беречь кувшин полным, то жизнь будет бесконечной. «Священная прямая» художника, определяющая его жизнь как движение к правде, приводит М. М. Пришвина в конечном итоге к определению смысла, точнее, замысла. В основе этого замысла – незыблемая вера в то, что любовь к природе дарует неиссякаемый запас силы внимания к людям.

Литература

1. Гончаров П. А. «Будет ли день, когда пойду от природы к людям...?» (мотив «бегства в природу» у М. Пришвина и В. Астафьева) // Рус. словесность. – 2003. – № 5. – С. 11–17.
2. Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1949. – Т. 24. – 533 с.
3. Ломакина С. А. М. Пришвин и Г. Успенский: к проблеме нравственно-этических исканий // Михаил Пришвин и XXI век: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения писателя. – Елец, 2013. – С. 104–110.

4. Подоксенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века: моногр. – Елец; Кострома, 2012. – 334 с.
5. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1982–1986.
6. Рудашевская Т. М. М. М. Пришвин и русская классика. Фацелия. Осударева дорога: моногр. – СПб., 2005. – 257 с.

Reference

1. Goncharov P.A. “Budet li den’, kogda poidu ot prirody k liudiam...?” (motiv “begstva v prirodu” u M. Prishvina i V. Astaf’eva) [“Will there be a Day when I go on the Nature of the People...?” (The Topic of “Escape to Nature” in Prishvin’s and V. Astafiev’s Works)]. *Russkaia slovesnost’ [Russian Literature]*, 2003, no 5, pp. 11–17. (In Russ.).
2. Gorki A.M. Sobr. soch.: v 30 t [Coll. cit.: in 30 vol.]. Moscow, 1949, vol. 24. 533 p. (In Russ.).
3. Lomakin S.A. M. Prishvin i G. Uspenskii: k probleme npravstvenno-eticheskikh iskanii [M. Prishvin and G. Uspensky: the problem of moral and ethical quest]. *Mikhail Prishvin i XXI vek. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel’ia [Mikhail Prishvin and XXI century. Proceedings of the scientific conference devoted to the 140th anniversary of the writer]*. Elets, 2013, pp. 104–110. (In Russ.).
4. Podoksenov A.M. Khudozhestvennyi mir Mikhaila Prishvina v kontekste mirovozzrencheskogo diskursa russkoi kultury i XX veka [The art world Michael Prishvina in the context of the ideological discourse of Russian culture of XX century]. Elets; Kostroma, 2012. 334 p. (In Russ.).
5. Prishvin M.M. Sobr. Soch.: v 8 t. [Coll. Cit.: in 8 vol.]. Moscow, 1982. – 1986. (In Russ.).
6. Rudashevskaiia T.M. M.M. Prishvin i russkaia klassika. Fatseliia. Osudareva doroga [M. M. Prishvin and Russian classics. Phacelia. Osudarev road]. St. Petersburg, 2005. 257 p. (In Russ.).